

На правах рукописи

Костина Екатерина Николаевна

**ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА ФЕНОМЕНОВ (СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре общей философии философского факультета ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научный руководитель доктор философских наук, профессор кафедры общей философии ФГБОУ ВПО Казанского (Приволжского) федерального университета **Николаева Евгения Михайловна**

Официальные оппоненты доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права (г. Казань)» **Яковлева Елена Людвиговна**

кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского» **Аникин Даниил Александрович**

Ведущая организация ФГБОУ ВПО Казанский государственный энергетический университет

Защита состоится 21 ноября 2013 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 215

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского (Приволжского) федерального университета

Автореферат разослан «_____» октября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,

доцент

 Г. К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Память, будучи пространством, в котором хранятся воспоминания о событиях прошлого, и являясь условием формирования и поддержания индивидуальной и коллективной идентичности, есть неотъемлемый феномен общественной жизни.

Важно отметить, что интерес к теме памяти значительно возрос в период духовной «реабилитации» после трагических событий Второй мировой войны: их освещение в трудах историков и философов стали поводом к переосмыслению таких традиционных для клинической психологии концептов, как «травма», «прощение», «забвение», «реабилитация» и т.д. и перенесение их в плоскость исторического и философского анализа.

Понятие исторической памяти подвергается активному обсуждению также в связи с укоренением тезиса о навязывании обществу «картины мира», создающейся, как отмечает исследователь В.В. Лыкова, «путем конструирования «нужных традиций» в официальной памяти общества» (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида и др.). Возрастание интереса к исследованию проблемы идеологического воздействия на память детерминировано не только сугубо научными, теоретическими предпосылками, но и практикой сознательного конструирования социальной реальности в современных обществах.

В современной России проблематика исторической памяти также обретает все большую остроту. Семидесятилетний период господства советской идеологии и окончательное ее падение в конце XX столетия ставят современного гражданина России лицом к лицу с проблемой самоопределения, а Российское государство – с проблемой поиска национальной идеи, которая способствовала бы как идейной интеграции общества в рамках государства, определяя стратегию его развития, так и представляла бы Российское государство перед лицом мировых держав.

В этом контексте круг проблем, связанных с забвением, также обретает особую важность. Как влияет на «историческое самочувствие» общества, народа, коллектива, индивида ситуация, когда какие-либо события прошлого предаются забвению (сознательному, целенаправленному или, наоборот, неосознанному)? Является ли необходимой установка на воспоминания, в соответствии с которой следует «помнить все», или все же возможно обнаружение ценности процесса забывания?

Степень научной разработанности проблемы

Проблематика памяти и забвения, их роли и функций в социокультурном пространстве становятся, как мы уже отметили выше, одной из самых актуальных тем современного социально-философского дискурса.

Вопрос о роли памяти и забвения в жизни человека интересовал уже античных философов, а впоследствии и средневековых богословов. Платон связывал феномен памяти с проблемой истинного знания: истинное знание, считал философ, есть не что иное, как воспоминание бессмертной души; Аристотель определяет память как образ, отражение предмета. Августин понимал память как основу непрерывности жизни человека, постоянное присутствие памяти (даже при условии забывчивости) – необходимое условие существования. Далее, обращение к теме памяти мы находим в трудах И. Канта, Г.В. Гегеля, В. Дильтея, А. Бергсона и др.

Непосредственным фокусом научного интереса феномены памяти и забвения становятся в XX веке. Однако следует отметить отсутствие специальных научных работ, посвященных комплексному изучению феноменов памяти и забвения.

Представляется возможным выделить несколько теоретических традиций в исследовании проблематики памяти и забвения.

Так, культурно-антропологический подход к изучению феноменов памяти и забвения представлен в работах российских исследователей В.Г. Безрогова, В.В. Бычкова, Л. Гудкова, П.С. Гуревича, Н.Н. Козловой, Е.Г. Трубиной и др. В

рамках данного подхода осуществляется анализ значения диалектики памяти и забвения в формировании индивидуальной и коллективной идентичности.

Аксиологический подход, в рамках которого память рассматривается как хранилище ценностей и смыслов культуры, представлен в исследованиях таких отечественных мыслителей, как М.С. Каган, Д.С. Лихачев, В.И. Плотников, Э.Ю. Соловьев, Н.К. Эйнгорн и др. В исследованиях российских философов М.М. Бахтина и В.С. Библера феномен памяти раскрывается с нравственной, этической стороны, память проявляет себя в пространстве диалога различных традиций и культур.

Исследователи Ф.А. Йейтс и П.А. Хаттон посвятили свои труды изучению искусства памяти (*ars memoria*), т.е. способам, механизмам сохранения и трансляции традиций культуры, Х. Вайнрих - искусству забывания (*ars oblivionis*).

Особо значимой для исследования проблем памяти и забвения представляется группа работ, в которых реализуются феноменологический и герменевтический подходы: Э. Гуссерль связывает проблемы памяти и сознания; М. Мерло-Понти вводит проблематику «памяти» и «забвения» в контекст отношения «Я-Другой»; П. Рикер, осуществляет феноменолого-герменевтическое осмысление памяти, истории и забвения, посредством таких понятий, как «нарратив», «репрезентация», «травма».

Социологический подход к исследованию проблем памяти и забвения представлен работами Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шюца. В рамках данного подхода подчеркивается конструктивный (не воспроизводящий, а конструируемый) характер прошлого, сохраняемого коллективной памятью. Я. Ассман и А. Ассман рассматривают память как культурный феномен, определяющий непрерывность культурных традиций. Исследователи выделяют культурную и коммуникативную памяти как формы взаимодействия с прошлым. Французский исследователь М. Хальбвакс впервые вводит понятие «коллективной памяти», подчеркивая социальную обусловленность памяти и наличие социальных рамок памяти индивидуальной.

Из современных социологических исследований, продолжающих указанную традицию, следует отметить работы Х. Вельцера, К. Уайкема, Дж. Фентресса, М. Ферретти, Б. Шлинка.

Обращение к концептам «травмы» и «вины» в рамках исследования феноменов памяти и забвения обуславливает особую значимость для нашей диссертационной работы психоаналитической традиции исследования диалектики памяти и забвения. Классический психоанализ З.Фрейда «реабилитирует» значимость забвения; Ф.Р. Анкерсмит и П. Рикер исследуют формы забвения, присутствующие в истории, и их влияние на историческое исследование и на общество в целом концепции; Т. Адорно, вводит понятия «комплекс вины», «проработка прошлого» и др.

Внимание к проблеме манипулирования памятью и забвением побудило автора данной диссертационной работы обратиться трудам М. Фуко, исследующего соотношение власти и истории в рамках дискурсивных практик, вводящего понятия «памяти-архива» и «контр-памяти» и П. Рикера, который также уделяет большое внимание вопросам вмешательства власти в исторический дискурс, методам и последствиям подобного вмешательства.

Французский историк П. Нора обращается к проблеме «бума коммеморации», утверждая, что национальное сообщество может существовать продуктивно лишь при условии «здоровой» памяти.

Феномен социальной памяти в современной России, получили свое освещение в трудах С.Е. Вершинина, Г.Е. Зборовского, А.А. Кара-Мурзы, И.С. Кона, А. Левинсона, О. Никоновой, Н.Л. Пушкаревой, Ж.Т. Тощенко и др.

Итак, в процессе исследования, представленного в данной диссертационной работе, важную роль сыграли представления о феноменах памяти и забвения, разработанные в трудах таких авторитетных зарубежных историков и философов, как П. Рикер, Ф. Р. Анкерсмит, Я. Ассман, М. Хальбвакс, П. Х. Хаттон, П. Нора. В трудах этих исследователей проанализированы ключевые аспекты проблемы диалектики памяти и забвения:

различные подходы к исследованию соотношения феноменов, подробно рассмотрена социально-культурная значимость диалектики памяти и забвения.

Среди отечественных авторов, к трудам которых мы обращались, следует особенно выделить работы А. Левинсона, Г. И. Зверевой, Л. П. Репиной, В. Г. Безрогова, а также историков И. М. Савельевой и А. Полетаева, в которых проанализированы различные трактовки понятий памяти и забвения, рассмотрен эвристический потенциал этих понятий в историческом, социально-гуманитарном знании.

Кроме того, в данной диссертационной работе мы прибегли к анализу социологических исследований, опросов, которые непосредственно связаны с темой диссертационной работы: данные социологического исследования «Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг. в исторической памяти народа (к 60-летию победы), проведенного СЦ РАГС при Президенте РФ, данные исследований Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ).

Несмотря на наличие работ, посвященных исследуемой проблематике, остаются недостаточно разработанными такие социально-философские аспекты проблемы, как роль забвения в формировании коллективной идентичности, идеологическая детерминация коллективной памяти и забвения в условиях глобализации. Наше диссертационное исследование представляет собой попытку философской экспликации обозначенных вопросов.

Объектом диссертационного исследования являются феномены памяти и забвения.

Предметом исследования выступает диалектическая взаимосвязь феноменов памяти и забвения как одной из форм отношения человека и общества к историческому прошлому в условиях современного глобализирующегося общества.

Цель исследования – анализ диалектики феноменов памяти и забвения, их роли в формировании индивидуальной и надындивидуальной идентичности и сохранении целостности социально-исторической общности.

В соответствии с поставленной целью в диссертационном исследовании решаются следующие **задачи**:

1. Определить содержание и границы следующих концептов: историческая память, коллективная память, социальная память, культурная память; рассмотреть соотношение личного и коллективного видов памяти.
2. Определить роль памяти и забвения в формировании личной и индивидуальной идентичности;
3. Проанализировать трансформации феноменов памяти и забвения в условиях глобализирующегося общества;
4. Эксплицировать идеологическую детерминацию памяти и забвения в контексте современного глобализирующегося социума.

Теоретико-методологические основы исследования

При исследовании различий в толковании концептов исторической, социальной и коллективной памяти, индивидуальной и коллективной идентичности нашел применение компаративистский подход, позволивший выявить особенности трактовки концептов памяти и забвения учеными разных школ и направлений.

Классическая традиция в анализе взаимозависимости памяти и забвения (берущая свое начало в трудах античных философов, Августина Блаженного и ведущая к Дж. Локку: память определяется в качестве критерия идентичности, когда идет речь о личностном тождестве) в данной работе нашла свое отражение в ходе анализа взаимосвязи памяти и идентичности.

При рассмотрении роли забвения в жизни человека и общества мы следовали неклассической трактовке этого феномена. В частности, нами была использована методология и понятийный аппарат психоаналитической традиции (З. Фрейд, Ф. Р. Анкерсмит, Т. Адорно) а также феноменолого-герменевтической (П. Рикер).

Следование неклассической трактовке роли забвения в жизни человека и общества позволило нам обнаружить конструктивный потенциал забвения, не

отрицая при этом классический постулат, согласно которому память есть основа формирования идентичности.

В основу методологии исследования положены такие общенаучные и философские методы, как метод восхождения от абстрактного к конкретному, системный метод, сравнительно-исторический метод, анализ и синтез, обобщение, абстрагирование, принцип историзма.

Научная новизна исследования

1. Выявлен диалектический характер отношения памяти и забвения. Показано, что память и забвение не являются феноменами, связанными отношением оппозиции. Напротив, память выступает условием (резервом) для забвения и наоборот. Память и забвение есть двуединый процесс, в котором память, будучи селективной по своей сущности, необходимо предполагает забвение. В свою очередь забвение происходит в пространстве памяти (забыть можно только то, что было в памяти) и никогда не бывает полным, потому как забытое может быть вновь актуализировано.

2. Показан позитивный потенциал забвения, заключающийся, во-первых, в терапевтической функции минимизации травматических последствий «переломных» исторических событий, во-вторых, забвение может выступать предпосылкой формирования новой идентичности, являясь опытом «обнуления прошлого», который позволяет ориентироваться на будущее, на формирование иных, не базирующихся на прошлом, социально значимых ориентиров, в-третьих, забвение в политике памяти может быть направлено на элиминацию избытка памяти (конфликта интерпретаций различных версий памяти, который на социально-практическом уровне часто приводит к этническим и национальным конфликтам).

3. Выявлены основания, по которым может быть произведена классификация форм забвения. По характеру влияния на идентичность выделены нейтральное забвение, не влияющее кардинально на индивидуальную и надындивидуальную идентичности, и забвение как предпосылка формирования новой идентичности, имеющее место при смене

определяющих жизненных ориентиров; по содержанию забываемого материала выделено травматическое (забвению подвергаются травмирующие события прошлого: репрессии, геноцид, войны и т.п.) и нетравматическое забвение (забываются не травматические по своему содержанию события); по характеру самого процесса выделено естественное забвение, подразумевающее исключение из памяти неактуальной информации, и структурное (управляемое) забвение, включенное в мемориальную политику и предполагающее комплекс целенаправленных практических действий.

4. Выявлены объективные причины усиления идеологического воздействия на коллективную память и забвение в современном социуме. Глобализационные процессы инспирируют государственное вмешательство в сферу коллективной памяти и забвения, усиливают локализационные процессы, направленные на сохранение целостности национальных культур, базирующихся на общих традициях и памяти об общем прошлом. Тотальный интерпретационный и объяснительный плюрализм в сфере памяти порождает стремление государственных структур интегрировать сообщество на базе единого целостного образа общей истории.

5. Показаны конструктивная роль «политики памяти» государства, заключающаяся в формировании целостного образа прошлого с целью сплочения нации, сглаживания конфликта интерпретаций различных версий памяти, ведущего к национальным и этническим конфликтам. «Политика памяти» представлена как необходимый для государства инструмент поддержания национально-культурной целостности.

Положения, выносимые на защиту

1. Память и забвение не являются антиномичными феноменами, противопоставленными друг другу. Взаимопроникая, они образуют диалектическое единство. Плодотворное функционирование индивидуальной и надындивидуальной памяти возможно только при условии забвения. Вспомнить - означает восстановить утраченное, вновь его обрести, извлечь из

забвения. И, наоборот, забывать можно только то, что все же хранится в глубинах мемориального пространства.

2. Забвение обладает конструктивным потенциалом. Как форма неисторического существования, оно является необходимым условием истории как процесса, движения от одной формы или стадии к другой, поскольку, во-первых, позволяет минимизировать травматический накал исторических катастроф, во-вторых, делает возможным выстраивание новой идентичности, в-третьих, может выступать частью мемориальной политики, направленной на сглаживание конфликта различных версий памяти. При этом, позитивным потенциалом обладает «правильное» забвение (забвение как примирение с прошлым), не несущее травматическую нагрузку.

3. Условием и целью существования и функционирования любой формы надындивидуальной памяти (коллективной, социальной, исторической) является коллективная идентичность, которая представляет собой устойчивое признание индивида как социального субъекта общности его прошлого с историей коллектива. Взаимосвязь памяти и идентичности диалектически взаимообусловлена: память о прошлом лежит в основе формирования коллективной идентичности, которая всегда «направлена» на общую историю, коллективная идентичность, в свою очередь, во многом формирует саму память, принимая или отвергая новую информацию. Основным конфликт между памятью и идентичностью заключен в самом характере этих феноменов: память в современном мире развивается динамически и конкурентно, в условиях доступности практически любой информации, идентичность – феномен более статичный и потому менее «восприимчивый» к новой информации. Поэтому ситуацию, когда в памяти актуализируется информация, противоречащая устоявшимся в данном коллективе или обществе нормам, можно охарактеризовать как рискогенную для идентичности.

4. Усиление идеологического воздействия на сферу коллективной памяти сегодня детерминировано стремлением противостоять глобализационным процессам в современном мире. Поскольку идеологическое

воздействие на сферу памяти и забвения – необходимый механизм сохранения внутренней национально-культурной целостности государства, а коллективная память – основа выживания национального государства в условиях глобализирующегося мира и «глобальной памяти», «политика памяти» государства – не что иное, как обращение к общему прошлому с тем, чтобы, преодолев разрывы в историческом сознании народа, сохранить (или воссоздать) единство, государственную целостность.

5. Коллективная память конвенциональна и представляет собой конструкт, целенаправленно формируемый и реконструируемый. С одной стороны, коллективная память представляет собой динамически и естественно, в результате культурной коммуникации развивающийся процесс, с другой – материал для целенаправленного идеологического конструирования. В современном мире, характеризующемся мгновенностью распространения информации, колоссальными возможностями межкультурных коммуникаций и беспрецедентной роли СМИ в формировании общественных ценностей, конструируемый характер памяти приобретает все более четкие контуры. Память о прошлом – это не только способность охранять от забвения фактуально-событийный пласт прошлого, но и отношение к прошлому, интерпретационный, или «репрезентативный», пласт. Одной из функций идеологии является выстраивание единого репрезентативного образа памятования, что предполагает сознательное коллективное предание забвению некоторых событий прошлого или их интерпретаций.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования определяется обозначенной актуальностью и новизной.

Полученные в диссертационном исследовании теоретические выводы способствуют более глубокому и адекватному пониманию сути феноменов памяти и забвения в современном обществе. Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют более содержательно и структурно осмыслить закономерности функционирования феноменов памяти, забвения, идентичности, идеологии и заложить основу для дальнейших комплексных

исследований их взаимодействия. Практическая значимость заключается в том, что содержание и выводы данной диссертационной работы могут быть использованы при подготовке учебных пособий, лекций и семинаров по таким учебным дисциплинам, как «Социальная философия», «Политическая философия», «Конфликтология», входящим в образовательные программы ВПО.

Апробация результатов диссертации

Основные положения диссертации обсуждены на заседании кафедры общей философии философского факультета Казанского (Приволжского) федерального университета. Важнейшие результаты исследования докладывались на итоговых научно-образовательных конференциях Казанского университета (Казань, 2007, 2009, 2011, 2012 года), на Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Национальные проекты России как фактор ее безопасности и устойчивого развития в глобальном мире» (Йошкар-Ола, 2008 г.), на Республиканском конкурсе научных работ студентов и аспирантов на соискание премии им. Н.И. Лобачевского (Казань, 2008 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Человек в современных социально-философских концепциях» (Елабуга, 2008 г.), на Всероссийской междисциплинарной научной конференции «XVI Вавиловские чтения» на тему: «Человек, общество, природа в эпоху глобальных трансформаций» (Йошкар-Ола, 2012 г.)

По теме исследования опубликовано 8 научных работ, из них в изданиях, рекомендованных ВАК РФ – 3.

Структура диссертации

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 115 наименований. Общий объем диссертации составляет 129 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертационной работы обосновывается актуальность темы исследования, дается общее представление о степени теоретической разработанности проблемы, формулируются цель и задачи, раскрывается научная новизна исследования и его научно-практическая значимость.

Глава I Память, забвение, идентичность: теоретико-методологические основания подходов к исследованию посвящена анализу традиционных и современных теорий памяти и забвения, определению концептов социальной, коллективной, культурной, исторической памяти, забвения, идентичности.

В первом параграфе **«Концепт памяти в пространстве социально-гуманитарного знания»** приведены различные трактовки содержания концептов культурная, социальная, историческая, коллективная память, а также рассмотрено соотношение памяти индивида и различных форм надындивидуальной памяти.

Так, по Ю.М. Лотману, культурная память – это память текстуальная, в каждой конкретной культурной ситуации заданная определенной системой семиотического кода, актуализирующего или предающего забвению те или иные культурные тексты. Такие характеристики культурной памяти задают определенные рамки исследования, предмет и объект анализа, которыми чаще всего выступают памятники искусства и культурно-исторический контекст, выдвигающий их на поверхность культурного пространства или предающий их временному забвению (забвению-потенции).

В работах французского социолога М. Хальбвакса подробно исследован феномен коллективной памяти. М. Хальбвакс один из первых выделил социальную сущность памятования, утверждая, что коллективная память является залогом идентичности. Коллективная память, по М. Хальбваксу, становится формообразующим элементом для индивидуальной. М. Хальбвакс так пишет о коллективной памяти в ее соотношении с индивидуальной:

«Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности»¹.

Безусловно, коллективная память есть внешнее, объективное по отношению к индивиду, то, что усваивается им по мере социально-культурного взросления.

Однако индивидуальная память может быть рассмотрена и как более широкое понятие и, соответственно, как более богатый в сравнении с коллективной памятью феномен. То, что является содержанием индивидуальной памяти, может не быть частью памяти коллективной, поскольку коллективная, историческая память всегда есть «нечто общее», наиболее значимое, а, следовательно, в определенной степени неполное.

Помимо культурной и коллективной памяти выделяют также историческую память (или - часто - социально-историческую).

Понятия исторической памяти, социальной памяти, культурной памяти и коллективной довольно близки по своему смысловому содержанию. Однако многие авторы все же склонны их различать, и основанием различения выступает либо содержание этих понятий, либо субъект, носитель памяти.

Согласно исследовательской позиции Т.П. Емельяновой, историческая память, в отличие от коллективной, тесно связана с феноменом идеологии и, будучи институционализированной, обладает четкой структурой и испытывает влияние исторической науки. Т.П. Емельянова пишет: «Коллективная память в отличие от исторической памяти не имеет четких институциональных или

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]/ М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре – 2005. – № 2–3 (40 – 41) Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, свободный.

идеологических рамок: она выступает как память коллективов, сообществ, социальных групп общества»¹.

Л.П.Репина так пишет о соотношении коллективной, исторической и социальной памяти: «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»².

Уже при сопоставлении этих двух позиций становится очевидным, что едва ли возможно четко разграничить интересующие нас концепты, поскольку то, что для одного исследователя является основанием для их различения, у другого оборачивается сходством.

В качестве основания деления могут выступать как различия по субъекту-носителю (индивидуальное сознание, память группы или общество в целом), так и структурно-содержательный компонент (идеологическая нагруженность, эмоциональная составляющая и т.д.). Кроме того, следует учитывать, что исследователями и школами (направлениями) рассматриваются различные аспекты феномена памяти. Так, в трудах Я. Ассмана, О.Г. Эксле, Й. Рюйзена исследуется культурное измерение памяти, ее отношение к средствам коммуникации, способы ее существования в семиотическом пространстве. Э.Дюркгейм и М. Хальбвакс избрали в качестве объекта определенную группу и сосредоточили внимание на том, какую функцию выполняет память (коллективная) в этой группе.

В нашей работе мы придерживаемся точки зрения, близкой позиции Л.П. Репиной. Так, расширительно нами трактуется социальная память (как

¹ Емельянова Т.П. Коллективная память с позиций конструкционизма / Т.П. Емельянова // Междисциплинарные исследования памяти / Под.ред. А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. - С. 17-32.

²Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л.П. Репина. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 44 с.

относительно устойчивая репрезентация прошлого в настоящем, способ понимания и осмысления прошлого), которая может выступать как коллективная память (репрезентация событий прошлого в сознании группы: семьи, нации и т.д.) и как память общества об историческом прошлом (историческая память). Иными словами, историческая память есть одно из измерений индивидуальной и социальной памяти.

В диссертационном исследовании проведена классификация концептов по следующим основаниям:

1. по субъекту-носителю выделены два типа памяти: индивидуальная (или персональная) память и коллективная память.

2. по объекту воспоминания память может быть понята как коллективная память (память коллектива: семьи, нации, религиозной группы – об общем прошлом, о формировании традиций и ценностей данной группы) или историческая память (память индивида, группы или общества в целом об истории, исторических событиях, исторических личностях).

Однако следует учитывать, что подобное разделение все же в высшей степени условно, поскольку объемы понятий так или иначе могут пересекаться.

Во втором параграфе «Память и забвение: преодоление оппозиции» исследуется феномен забвения, развивается идея о том, что память и забвение есть двуединый процесс, характеризующийся их диалектическим взаимопроникновением.

Противопоставление воспоминания и забвения, характерное для философии Античности (прежде всего для философии Платона и Аристотеля) определило негативное восприятие забвения, понимание последнего как уничтожение памяти и угрозы познанию.

В рамках средневековой христианской традиции память, воспоминания понимаются как самопознание, раскрытие божественного в человеке. Забвение, соответственно, воспринимается как разрыв связи человека и Бога.

В Новое время память и забвение интерпретируются как способности, функции сознания, подвергающиеся тренировке, как и любые другие

человеческие способности. В философии последователей эмпиризма Дж. Локка и Д. Юма забвение рассматривается как незнание, антипод знанию-памяти. Дж. Локк писал о том, что если мы «теряем из виду свое прошлое Я, тогда возникает сомнение, являемся ли мы тем же самым мыслящим существом, т. е. той же самой субстанцией, или нет»¹.

Однако в конце XIX, а особенно в начале XX века осмысление отношения «память – забвение» претерпевает существенные трансформации. Ключевые аспекты отношения «воспоминание – забвение» были переосмыслены в философских концепциях Ф. Ницше, А. Бергсона, З. Фрейда. Забвение теперь не рассматривается исключительно как невежество, стирание знания. Психоаналитическая концепция рассматривает забвение как особую форму вытесненного прошлого, которое способно управлять нашим настоящим (З.Фрейд). Забвение, таким образом, предстает как такая сторона памяти, которая переходит в область бессознательного.

Все выше названные теории определили поворот в сторону неклассических теорий памяти и забвения, в которых забвение предстает в качестве обратной стороны памяти. В нашем исследовании особое внимание уделено концепциям забвения, представленным в размышлениях Ф.Ницше, З. Фрейда, Р. Анкерсмита и П. Рикера.

Ф.Ницше рассматривает способность к забвению как ценность, как возможность пребывать в настоящем. П. Рикер проецирует психоаналитическую концепцию на сферу коллективной памяти и забвения. П. Рикера интересуют неправильное забывание и различные модусы неправильной памяти (задержанная память, манипулируемая память), которые обнаруживают себя либо в ситуации, когда травматический опыт, выражаясь терминами З. Фрейда, вытесняется из пространства коллективной памяти, либо в случае идеологического воздействия. Ф.Р. Анкерсмит приводит классификацию типов забвения: забвение «без риска для нашего психического здоровья, равно как для

¹Локк Дж. Сочинения: В 3-х т / Дж. Локк; Опыт о человеческом разумении.— М., 1985. – 388 с. - т. 1.

нашей коллективной, социальной или политической идентичности»; второй тип забвения имеет место тогда, когда забывается то, что важно для жизни человека, но важность не была осознана; третий тип забвения создает угрозу идентичности, четвертый предполагает осознание разрыва с прошлым и формирование новой идентичности.

В нашем диссертационном исследовании выделены следующие типы забвения: травматическое и нетравматическое забвение. Третий и четвертый типы забвения, по классификации Ф.Р. Анкерсмита, - травматическое забвение. По характеру самого процесса забвения нами выделены естественное забвение (когда естественным образом забывается не значимая в данной культурной матрице информация, которая впоследствии таким же образом может быть актуализирована) и структурное, или управляемое, забвение («навязываемое» забвение, осуществляемое путем идеологического вмешательства).

Забвение может обладать позитивным потенциалом: забвение, понятое не как отказ от своего прошлого, а как забвение-резерв, забвение-сохранение в памяти, как мы выяснили, может примирить настоящее с прошлым и позволить двигаться по пути истории дальше.

В третьем параграфе **«Меморизация и забвение: механизм формирования идентичности»** коллективная идентичность определяется как разделяемое членами социальной общности чувство принадлежности к коллективу, которое признается ими как ценность и основывается на общности интересов, культурных ценностей, норм, стереотипов, а также на общем прошлом, общей истории. В эпоху модерна особую значимость приобретает национальная идентичность, что детерминировано возникновением феномена наций и национальных государств. Отмечается, что существуют как минимум два уровня использования понятия «идентичность»: индивидуально-психологический и социально-культурный (когда речь идет о коллективной идентичности). В современных исследованиях как зарубежных, так и отечественных авторов принято указывать на следующие элементы коллективной (прежде всего национальной) идентичности: общность

территории, общность исторического прошлого, общие поведенческие паттерны, ценностные структуры, а также религиозные доктрины, общепринятые ритуалы, система общезначимых моделей-образцов, преобладающие экономические модели, коллективные мнения, ощущения, предрассудки и т.п.

Так, общность исторического прошлого является важнейшим элементом коллективной идентичности (история при этом – одна, а вариантов коллективной памяти об этой истории – множество). Получается, что неоднозначность отношения к прошлому своей страны может губительно сказаться на самоопределении, на коллективной идентичности нации.

В процессе исследования вопроса о роли забвения в формировании коллективной идентичности нации полезно обратиться к методологии психоанализа, причем как в классической его трактовке, так и к психоаналитической традиции в рамках социальной философии. Забыть прошлое невозможно – позиция, традиционная для психоанализа. Неправильно забытое прошлое вполне может оказаться травмирующим моментом для коллективной идентичности (ведь причина неврозов, по утверждению психоаналитиков, кроется в травмирующем прошлом). И все же, необходимо ли помнить все (беспрерывно осуществлять работу воспоминания), дабы сохранять в целостности идентичность?

3. Фрейд рассматривал идентичность как «длящуюся», единую идентичность (именно поэтому он практически не употреблял этот термин, поскольку рассматривал психику как целостность, сознание). Когда коллектив, нация, общество переживает травматическое забвение (по Ф.Р. Анкерсмит - четвертого типа), рождается совершенно новая идентичность. Ф.Р. Анкерсмит в этом вопросе уходит от субстанциальности идентичности, полагая принципиальную возможность ее прерывности. Однако прошлое невозможно стереть, коллектив продолжает существовать пусть и в видоизмененном, но в том же культурно-историческом пространстве, потому возникает

необходимость выработки адекватного отношения к коллективному прошлому и потерянной идентичности.

Таким образом, мы утверждаем, что коллективная идентичность, действительно, возможна только при условии «здоровой» коллективной исторической памяти¹ (утверждаем, следуя психоаналитической традиции). Однако, забвение, понятое не как травматический, «непроработанный» отказ от своего прошлого, а как забвение-резерв, забвение-сохранение в памяти, как мы выяснили, может примирить настоящее с прошлым и позволить двигаться по пути истории дальше.

Глава 2 «Память, забвение и идеология: проблематизация мемориальных политических практик» посвящена исследованию причин, способов и целей идеологического воздействия на сферу памяти и забвения.

В первом параграфе «Память как объект политического воздействия» отмечается, что память – одно из важнейших, определяющих звеньев в цепи идентичности, поэтому манипулирование памятью связано с «претензией» (по выражению П. Рикера) на идентичность, на сохранение самотождественности. Отмечается также, что сущность идеологизации коллективной памяти и забвения заключается в формировании и легитимировании одного более-менее целостного образа прошлого, позиционировании конкретной исторической репрезентации как истинной. Целью коммеморативных практик является создание единого фундамента восприятия исторических событий, а значит общего поля для формирования национальной идентичности.

К средствам осуществления «исторической политики» можно отнести, например, особенности преподавания истории в учебных заведениях (выбор учебных пособий, образовательных программ), архивную политику (закрытость/открытость документов), принятие законов, касающихся интерпретации исторических событий, освещение исторических событий в

¹Мы не поставили запятой между коллективной и исторической памятью, прежде всего, потому, что П. Нора вел речь как раз о памяти коллектива об истории своей страны. Поэтому это не просто коллективная и не просто историческая память, а именно коллективная историческая память.

средствах массовой информации и т.д. Однако создание общего нарратива о прошлом (а именно это и имеется в виду) является проблемой, поскольку история – это разнообразие образов истории, это многообразие ее интерпретаций. С другой стороны, именно конфликт интерпретаций (по выражению П. Рикера) порождает возможность манипуляции исторической памятью со стороны политической власти и даже намеренное искажение исторических фактов во имя политических целей.

В данном параграфе также рассмотрен вопрос о причинах усиливающейся идеологизации памяти и забвения в современном социуме. В условиях глобализации национальное государство вынуждено всяческими способами сохранять свою суверенность, свои национальные и культурные ценности, национальную идентичность – иными словами, реализовывать обратный глобализационному процесс локализации. Стремление противостоять тенденции нивелировки особенностей локального порождает стремление сохранить память о прошлом, свою память о своем прошлом, а также определить свое отношение к прошлому других (государств).

Этим объясняется вынесение на всемирное обсуждение вопросов, касающихся памяти о событиях прошлых лет (поскольку в этой тенденции явно просматривается стремление государства возродить общие воспоминания, ценности и традиции) и принятие «исторических законопроектов». Закон, запрещающий или предписывающий что-либо помнить или забывать, суд, выносящий вердикт относительно виновности или невиновности лиц-участников событий прошлых лет, – все это свидетельства стремления «проговорить» прошлое, поставить все точки над *i* и «оставить это прошлое в прошлом». Подобные законодательные и судебные практики, вызывающие, как правило, резко негативные оценки историков, необходимы национальному государству с одной стороны как инструмент сохранения целостности своей истории (как способ проговаривания вытесненного травматического опыта), преемственности поколений, с другой стороны – как способ вливания в контекст глобальной истории, в которую вовлечены другие государства.

Таким образом, мы обнаруживаем более глубинные, нежели политические интриги, процессы, инспирирующие коммеморативные практики. Они коренятся в стремлении сохранить ускользающую национальную идентичность, «подпитать» ее при помощи обращения к прошлому, к истории.

Само обращение к памяти и стремление «повернуть» коллективную память в «нужное» русло обусловлены объективными тенденциями современного мира. В таком контексте современную ситуацию все же больше хочется назвать «памятизацией политики», нежели политизацией памяти, поскольку в этом случае снимается исключительно политический контекст, который зачастую трактуется не иначе как насилие над живой памятью. Государство как локальность, стремясь сохранить свою основу, национальную идентичность, вынуждено использовать механизмы реконструкции памяти о прошлом.

Во втором параграфе «Забвение в мемориальной политике государства» отмечается, что в мемориальной политике, осуществляемой государством, так или иначе, всегда присутствует и политика забвения, в рамках которой решается, что в исторической репрезентации будет отодвинуто на второй план, будет не явно обозначено или вовсе останется не проговоренным, а что можно и нужно проговорить. В рамках мемориальной политики, которая является предметом рассмотрения во второй главе диссертации, забвение предстает как феномен, элементы которого целенаправленно регулируются в сфере политики. Мы писали выше, что коллективная память, будучи основой коллективной (прежде всего, национальной) идентичности, подвергается реконструкциям со стороны политических властей преимущественно в целях сохранения целостности коллективной идентичности. Но память всегда избирательна, она что-то помнит, что-то исключает из своего пространства. Поэтому забвение всегда есть обратная сторона памяти, и мемориальная политика памяти есть в то же время и политика забвения, предполагающая избирательность, фильтрацию воспоминаний, своеобразную «мемориальную цензуру». Итак, политика забвения, как органическая часть мемориальной политики, преследует ту же

цель, что и политика памяти: сохранение коллективной идентичности в условиях глобализации. Манипуляции, касающиеся забвения, равно как и манипуляции в сфере памятования, становятся все более скрытыми, «ризомными», их едва ли можно обнаружить сразу, скорее они становятся доступны лишь теоретическим исследованиям.

И все же методы управления забвением ничем не отличаются от методов манипулирования процессами коллективного памятования: переименование улиц и городов, доступ к архивам, преподавание истории в учебных заведениях, транслирование памятных образов в средствах массовой информации и умалчивание о других. И даже «мемориальные законопроекты» как в зеркале отражаются в законопроектах, предписывающих забывать. Однако есть более скрытые формы проявления управляемого забвения. Такое забвение А. Г. Васильев вслед за польским исследователем в области социологии памяти Б. Шацкой связывает с манипуляцией временными интервалами. Таким образом, доминирующие в конкретном государстве идеологические установки определяют выбор темпоральности, временной границы памяти, и от этого выбора зависит исходный пункт выстраивания коллективной идентичности.

В данной главе также рассмотрен вопрос о пределах идеологического конструирования содержания коллективной памяти и, соответственно, о границах целенаправленного забвения. Конструирование мемориальных образов не может происходить абсолютно произвольно, особенно в современных обществах, характеризующихся плюрализмом мнений, открытостью и доступностью информации. Открытость информации, возможность высказывать практически любое мнение и, соответственно, формировать и отстаивать любую интерпретацию прошлого порождает столкновение различных мемориальных «проектов», что, естественно, препятствует созданию безоговорочно единого образа, единой репрезентации. Государство сегодня не может являться исключительным «производителем» образов прошлого, любой мемориальный проект, так или иначе, сталкивается с множеством иных, что

естественным образом создает рамки, границы возможности конструирования коллективной памяти и управления забвением. Поэтому едва ли оказывается возможными манипуляции с памятью и забвением без учета таких факторов, как общественные настроения, многообразие контр-проектов памяти (неофициальной памяти). Наличие множества интерпретаций и свободный доступ к ним, открытость современных обществ – все это факторы, делающие невозможным бесконтрольное манипулирование памятью и забвением со стороны дискурса власти.

В заключении кратко обобщаются полученные результаты и делаются выводы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Костина Е.Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов// Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 1. - с. 60-65.
2. Костина Е.Н. Диалектика глобального и локального: национальное государство и коллективная память в условиях глобализации// Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13, вып. 1 – с. 36 – 37.
3. Костина Е. Н. Помнить или забывать: размышляя над романом М. Кундеры «Неведение» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 1. – с. 83-89.

Публикации в других изданиях:

4. Костина Е.Н. Диалектика субъективного и объективного в общественном развитии // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2007 года: сборник тезисов / Казан.гос. Ун-т. – Казань, 2007. – с. 106-107

5. Костина Е.Н. Диалектика субъективного и объективного в общественном развитии // Сборник материалов Республиканского конкурса научных работ студентов и аспирантов на соискание премии им. Н.И. Лобачевского. В 3 томах. Том II/ - Казань, 2008. – с. 161 – 183
6. Костина Е.Н. Человек и история: поиск смысла существования //Философия, религиоведение, политология: сборник научных работ студентов философского факультета Казанского государственного университета 2009 года/ Отв. Ред. Е.С.Маслов. – Казань: Изд-во Казан. Гос. Ун-та, 2009.с 19-20.
7. Костина Е.Н. Историческое и неисторическое: опыт осмысления // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2009 года: сборник статей / Казан. Гос. Ун-т. – Казань: Казан. Гос. Ун-т, 2009. – с. 254-256.
8. Костина Е.Н. Национальное государство и коллективная память в условиях глобализации // Человек, общество, природа в эпоху глобальных трансформаций. Шестнадцатые Вавиловские чтения: материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции / Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2012.